

признанія, а потомъ съ обычнымъ мастерствомъ передастъ всю эту картинку въ своемъ слѣдующемъ мемуарѣ!

Иногда нужны ему и серьезныя, даже специально-научныя средства борьбы. И въ этомъ не будетъ недостатка. По поводу плутней Гэтцманна, онъ излагаетъ исторію знаменитѣйшихъ продажныхъ судей древности и новаго времени. Нужны ссылки на законы, — друзья-юристы снабдили его на этотъ счетъ въ изобиліи. Противная партія затѣяла-было воспользоваться неизвѣстной еще во Франціи исторіею съ Клавихо, — Бомарше вводитъ и ее въ свой отвѣтъ, знакомитъ читателя съ этимъ драматическимъ столкновеніемъ и мастерски освѣщаетъ его. Если же хотятъ набросить на него тѣнь, повторяя басню объ отравленіи, онъ умѣетъ гдѣ-то выудить неблаговидную продѣлку Гэтцманна, который, чтобы прикрыть рожденіе незаконнаго сына, поддѣлалъ свидѣтельство о крещеніи. *A la guerre, comme à la guerre*, думается ему. Но общаго значенія настоящаго процесса онъ все время не теряетъ изъ виду, и, когда нужно указать, какія мѣры могли бы прекратить искаженіе правосудія, онъ высказывается за введеніе суда присяжныхъ по англійскому образцу. Мастерскіе сатирическіе портреты получаютъ у него соціальныя фонъ; люди, съ которыми онъ борется, уже не личные только его враги, но враги народныя; за Марэномъ виднѣется вся клика ложныхъ патріотовъ, готовыхъ обозвать измѣнниками отечеству всякаго, кто имъ лично непріятенъ, возглашающихъ, что кромѣ нихъ настоящихъ французовъ болѣе нѣтъ; за Гэтцманномъ выступаетъ не только шайка клеветовъ Мопу, но и весь строй допотопной магистратуры, а въ Лаблашѣ, то-и-дѣло вставлявшемъ свое слово и теперь, олицетворялось старое барство. Горячность Бомарше не могла не увлекать читателя; то, что онъ говорилъ, было у всѣхъ на умѣ, но кромѣ него никто въ эту минуту не рѣшился высказать это открыто. Съ появленія мемуаровъ до триумфа „Свадьбы Фигаро“ Бомарше не разстанется болѣе съ этою ролью глашатая общественнаго мнѣнія, на которой основанъ весь его писательскій успѣхъ. Для тѣхъ, кто видитъ въ замѣчательныхъ людяхъ выразителей народной думы, — это одинъ изъ убѣдительнѣйшихъ примѣровъ.

Но не только въ общественномъ отношеніи прозрѣлъ и возмужалъ Бомарше во время своихъ несчастій. Его литературное дарованіе только теперь проявилось въ полной силѣ. Передъ нами уже образцовый комикъ; стоить вынуть отдѣльные эпизоды, — и сцена изъ остроумнѣйшей комедіи готова. Въ минуты особеннаго сатирическаго воодушевленія онъ увлекаетъ смѣлостью тона, ко-